

С. П. Мокринский

**Наказание, его цели и
предположения**

Часть II. Значение результата

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
М74

М74 **Мокринский С.П.**
Наказание, его цели и предположения: Часть II. Значение результата / С. П. Мокринский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 137 с.

ISBN 978-5-518-06819-3

ISBN 978-5-518-06819-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Часть II.

Значеніе результата.

§ 9. Результатъ, какъ предположеніе наказанія: его политическое основаніе и различія въ юридическомъ значеніи.

Результатомъ въ уголовно-правовомъ смыслѣ мы называемъ то внѣшнее измѣненіе, которое обусловлено дѣйствіемъ преступника и совмѣщаетъ въ себѣ какъ предположеніе, такъ и основаніе наказанія. *Внѣшнимъ* мы считаемъ измѣненіе, которое имѣло мѣсто *внѣ* субъекта; принадлежитъ-ли оно къ духовному или матеріальному міру, не имѣетъ значенія. Совращеніе въ нехристіанскую вѣру въ такой-же мѣрѣ соответствуетъ понятію результата, какъ и нарушеніе цѣлости чужой вещи. Результатъ долженъ быть послѣдствіемъ *дѣйствія*, или, иначе, произвольнаго тѣлодвиженія, выполненнаго преступникомъ, самимъ или его соучастникомъ. Должно-ли это дѣйствіе быть виновнымъ, зависитъ отъ законнаго состава преступленія. На ряду съ результатами дѣйствія, можно говорить и о результатѣ *бездѣйствія*, въ смыслѣ увѣренности, что измѣненіе не наступило-бы, если-бы субъектъ выполнилъ требуемое дѣйствіе. Наконецъ, измѣненіе должно быть не только предположеніемъ наказанія, однимъ изъ признаковъ, входящихъ въ составъ преступленія, но и *основаніемъ* уголовной репрессіи, однимъ изъ частныхъ проявленій того общественнаго зла, для устраненія котораго ближайшимъ образомъ потребовалась уголовно-правовая норма.

Мы начинаемъ изслѣдованіе уголовно-политическаго значенія отіѣльныхъ предположеній наказанія съ вопроса о значеніи вреднаго результата на томъ основаніи, что названный моментъ, представляя наименьшую степень углубленія въ объективную сторону преступленія, сопутствуетъ образованію наиболѣе элементарныхъ формъ сложенія системы психологическаго принужденія. Съ точки зрѣнія догмы уголовного права правильнѣе было-бы обсудить сначала вопросъ о значеніи дѣйствія, и затѣмъ—результата. Напротивъ, для политика правильнѣе держаться обратнаго порядка. Наказуемость безрезультатнаго дѣйствія является плодомъ высшей мѣры абстракціи, чѣмъ наказуемость результатнаго, и если правильно въ методологическомъ отношеніи разсмотрѣнню болѣе сложнаго предпосылать разсмотрѣніе менѣе сложнаго, то необходимость остановить вниманіе прежде всего на результатномъ дѣйствіи, становится понятна. Но вопросъ о результатномъ дѣйствіи, въ отличіе отъ безрезультатнаго; и есть вопросъ о значеніи результата.

Замѣчая, что въ системѣ *дѣйствующаго* права результатъ уже не составляетъ необходимаго предположенія *всякаго* проявленія уголовной репрессіи, что дѣйствіе мыслимо, какъ предположеніе наказанія, также и помимо результата,—нѣкоторые криминалисты-политики, *de lege ferenda*, отказываются вовсе признавать за результатомъ правообразующее значеніе, приписываютъ таковое единственно дѣйствію.

„Самое большее, что намъ доступно, — доказываетъ Ламмашъ,¹⁾—это узнать условія результата и восполнить недостающія. Это стремленіе къ восполненію условій результата и есть то, что мы зовемъ покушеніемъ, и что *одно только* можетъ быть вмѣняемо человѣку“. „Представимъ себѣ слѣдующій случай,—замѣчаетъ Томсенъ:²⁾—трое разбойниковъ стрѣляютъ хладнокровно въ человѣка, желая его убить. Первому ружье отказывается служить вовсе: товарищъ въ шутку вмѣсто пороху зарядилъ его нюхательнымъ табакомъ. Второй дѣлаетъ промахъ; третій попадаетъ въ цѣль и убиваетъ. По моему, это чистая случайность, что совершенно одинаково предпринятое и выполненное дѣйствіе имѣло у

1) Lammasch. Das Moment objectiver Gefährlichkeit. 1879 стр. 54.

2) Thomsen. Ueber Versuch der durch eine Folge qualifizirten Delikte. 1895, стр. 31.

троихъ столь различный исходъ, но этотъ „случай“ приводитъ къ тому, что первый (согласно воззрѣнью тѣхъ, кто считаетъ негодное покушеніе ненаказуемымъ) будетъ освобожденъ отъ наказанія, второй за покушеніе на убійство наказанъ 3—15 годами цухтгауза (§§ 212, 44), а третій за оконченное убійство (Mord) смертью (§ 211)“.

По мнѣнію обоихъ писателей, общепринятый типъ оконченнаго деликта нельзя признать ни научнымъ, ни соответствующимъ требованіямъ справедливости. Опредѣленіе закона: „за убійство каторга на срокъ не ниже 8 лѣтъ. Покушеніе наказуемо“, слѣдовало-бы замѣнить нинимъ: „за *покушеніе* на убійство каторга на срокъ до 14½ лѣтъ“, (статьи проекта уголовного уложенія 384, 13, 19, 41 и 45). Однако, даже *code pénal*, который вовсе не различаетъ по наказуемости покушеніе отъ *delictum consummatum*¹⁾,—все же, гдѣ только возможно, вводитъ результатъ въ составъ преступленія, въ формулу уголовной угрозы. Въ чемъ же объясненіе этой, по видимому, столь нелогичной, и, не смотря на то, такъ прочно укоренившейся законодательной практики—включать результатъ въ составъ преступленія?

Если-бы уголовные кодексы преслѣдовали, какъ единственную или главную цѣль,—задачу спеціальнаго предупрежденія преступленій, то, нѣтъ сомнѣнія, законъ: „за *убійство* виновный подлежитъ тѣмъ-то и тѣмъ карательнымъ мѣрамъ“, былъ-бы замѣненъ правиломъ:—„да будетъ надлежащимъ способомъ исправленъ или обезвреженъ тотъ, кто заявитъ о своей соціальной опасности *посягательствомъ* на чужую человѣческую жизнь“, какъ приблизительно и излагаются правила объ административномъ изолированіи опасныхъ душевно-больныхъ. Требовать къ посягательству на убійство еще и причиненія смерти, съ точки зрѣнія борьбы съ личными условіями преступности, значило-бы впадать въ напрасное и вредное излишество. Но современные уголовные кодексы преслѣдуютъ цѣль не спеціальнаго предупрежденія, а общаго психологическаго предупрежденія, и соответственнно этой цѣли слагаются предположенія угрозы, формируется составъ преступленія. Если вспомнить сказанное выше о

1) Code pénal, § 2.

соотношеніи основаній и предположеній уголовной репрессіи,¹⁾ то нельзя не признать, что включеніе результата въ составъ преступленія какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ прямому логическому развитію идеи психологическаго принужденія.

Въ основѣ уголовной репрессіи лежатъ опредѣленныя категоріи фактовъ, нежелательныхъ по мнѣнію законодателя. Что можетъ быть проще прямого возведенія этихъ фактовъ на степень предположенія уголовной репрессіи?

Если мы хотимъ угрозою послѣдствій остановить человѣка, собирающагося совершить преступленіе, то разумѣется, прежде всего предупредимъ его о томъ наказаніи, которое ждетъ его въ случаѣ успѣха его замысла, ибо тотъ, кто ставитъ себѣ цѣль, взвѣшиваетъ прежде всего послѣдствія, которыя будутъ имѣть для него *достиженіе* цѣли, а не фiasco. Пусть успѣхъ или неудача всегда болѣе или менѣе дѣло случая, и въ вину поставлено можетъ быть только дѣйствіе, всякій ждетъ награды или наказанія не за произвольное тѣлодвиженіе, какъ таковое, а за благія или вредныя послѣдствія своего дѣйствія. Уголовно-политическая система, рассчитанная на психологическое воздѣйствіе, не можетъ игнорировать факта, имѣющаго столь глубокое психологическое основаніе. Угроза наказанія, чтобы имѣть успѣхъ, должна быть, если только возможно, приурочена не къ дѣйствию, а къ результату.

Вопросъ о значеніи дѣйствія и результата можетъ быть изучаемъ догматикомъ съ двухъ не только различныхъ, но и прямо противоположныхъ точекъ зрѣнія. Можно или отправляться отъ результата и приходить къ дѣйствию, или, наоборотъ, отправляться отъ дѣйствія и приходить къ результату. Въ обоихъ случаяхъ одинаково законодатель имѣетъ дѣло съ дѣйствіемъ и вреднымъ послѣдствіемъ этого дѣйствія, т. е., съ двумя категоріями фактовъ, стоящихъ въ соотношеніи причинной связи, и разсматриваетъ послѣдствіе, какъ условіе, устанавливающее или увеличивающее наказаніе, или, наоборотъ, *отсутствіе*

1) Часть I, § 2.

послѣдствія, какъ обстоятельство, исключющее или уменьшающее наказаніе. Но въ первомъ случаѣ онъ отправляется отъ наказуемости оконченнаго преступленія, въ смыслѣ дѣйствія, уже причинившаго вредъ, и *затѣмъ* ставитъ вопросъ о юридическихъ послѣдствіяхъ дѣйствія безрезультатнаго, связаннаго съ результатомъ единственно отношеніемъ вины. Во второмъ случаѣ мысль законодателя движется въ обратномъ направленіи. Точкою отправленія становится для нея опредѣленное описанное въ законѣ дѣйствіе. Не требуется, чтобы субъектъ, наказываемый за это дѣйствіе, умышлялъ, допускалъ или виновнымъ образомъ не предвидѣлъ какихъ-либо вредныхъ послѣдствій дѣйствія. Достаточно, если онъ сознавалъ свойство и значеніе дѣйствія, какъ оно описано въ законѣ. И лишь затѣмъ законодатель беретъ во вниманіе также и послѣдствія дѣйствія, повышаетъ или впервые только устанавливаетъ мѣру наказанія на случай, если опредѣленное вредное послѣдствіе фактически наступило. ¹⁾

Итакъ, результату въ дѣйствующемъ правѣ принадлежитъ двоякая роль: субъектъ *воспроизводитъ* вредное послѣдствіе, — фактъ, который, помимо дѣйствія субъекта, не наступилъ-бы, — отвѣтственность только-что возникаетъ или возрастаетъ; субъектъ не воспроизводитъ результата, но могъ-бы воспроизвести, если-бы захотѣлъ, — отвѣтственность, юриди-

¹⁾ Thomsen, вышеназв. соч., стр. 10 и сл.: „законодатель можетъ сосредоточить свое вниманіе исключительно на результатъ и совершенно игнорировать дѣйствіе, которому результатъ обязанъ происхожденіемъ, — говоря ипаче, допустить въ составъ преступленія любое дѣйствіе, по сколько оно воспроизводитъ результатъ. Такъ напр., если онъ въ § 211 говоритъ „кто убьетъ“, то это значитъ, — кто причинитъ смерть, — какимъ дѣйствіемъ — безразлично. Или, онъ равномерно принимаетъ во вниманіе и *дѣйствіе*, и *результатъ*, т. е., включаетъ въ признаки состава не только результатъ, но одновременно и опредѣленное дѣйствіе, примѣръ: — отравленіе. Или, онъ полагаетъ центръ тяжести въ *дѣйствіи* и образуетъ составъ изъ него одного, помимо результата... Но по общему правилу законодатель, если онъ разсказываетъ деликтъ, какъ этотъ послѣдній принятъ понимать въ теоріи, и образуетъ формальный деликтъ изъ одного дѣйствія, онъ присоединяетъ сюда результатъ, какъ основаніе квалификаціи“. Вторая упоминаемая Томсеномъ форма сложенія нормъ — совмѣстное предусмотрѣніе и дѣйствія и результата — есть, очевидно, лишь частный случай первой формы — разновидность матеріальнаго деликта, отвѣтственность за который повышается или смягчается въ виду особаго *способа* совершенія.

чески уже обоснованная, отпадает или сокращается въ размѣрѣ. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о положительномъ и отрицательномъ значеніи результата, какъ предположенія уголовного наказанія.

Положительное значеніе результата проявляется въ двухъ основныхъ формахъ: въ *установленіи* и *квалификаціи* уголовного наказанія. Результатъ впервые *устанавливаетъ* отвѣтственность, если дѣйствіе само по себѣ ненаказуемо, и только *отменяетъ* въ обратномъ случаѣ. Если дѣйствіе наказуемо уже само по себѣ, результатъ образуетъ предположеніе карательной мѣры не въ полномъ ея объемѣ, а только части, обуславливая не наказуемость, а лишь прибавку къ наказанію. Но, конечно, и тамъ, гдѣ результатъ *устанавливаетъ* наказаніе, онъ служить не единственнымъ, а лишь послѣднимъ, по времени возникновенія, изъ суммъ необходимыхъ предположеній наказанія. Правообразовательную силу онъ получаетъ только, присоединяясь къ дѣйствію, которое здѣсь, какъ и всюду въ уголовномъ правѣ, выступаетъ въ качествѣ необходимаго условія отвѣтственности.

Устанавливаетъ отвѣтственность наступленіе вреднаго результата при тѣхъ описанныхъ въ законѣ дѣйствіяхъ, которыя сами по себѣ могутъ и не быть наказуемы, но влекутъ уголовную отвѣтственность, коль скоро они имѣли своимъ послѣдствіемъ опредѣленный закономъ вредный результатъ. Примѣромъ по уложенію о наказаніяхъ могутъ служить статьи: 1475—о склоненіи къ самоубійству или участіи въ совершеніи послѣдняго; 1476—о злоупотребленіи родительской или иною властью, наказуемомъ, если вслѣдствіе сего злоупотребленія подвластный лишить себя жизни; 1465, по скольку смерть побитаго обуславливаетъ отвѣтственность лица, нанесшаго удары въ дракѣ; 1512, карающая тѣхъ, кто сталъ бы упрекать отказавшагося отъ поединка, „буде вслѣдствіе того поединокъ произойдетъ“ и проч. Такова по проекту уголовного уложенія ст. 392, ограничивающая наказуемость доставленія средствъ къ самоубійству случаемъ „буде вслѣдствіе сего самоубійство послѣдовало“ и проч. 1).

1) Ср. опредѣленія норвежскаго проекта: § 240—денежнымъ штрафомъ или тюрьмой до 1 года наказывается мужчина, злопамѣренно уклоняющійся отъ обязанности оказанія необходимой помощи вѣбратно забеременѣвшей отъ него женщиной, если уклоненіе имѣло послѣдствіемъ, что женщина оказалась въ стѣснен-

Результатъ *отягчаетъ* отвѣтственность, когда законодатель устанавливаетъ особое болѣе строгое наказаніе за опредѣленное дѣйствіе, уже и само по себѣ воспрещенное и наказуемое, въ зависимости отъ наступленія опредѣленнаго вреднаго послѣдствія.

Отрицательное значеніе результата для уголовной отвѣтственности проявляется, по аналогіи съ положительнымъ, или въ ея смягченіи, или въ совершенномъ отпаденіи.

Смягченіе имѣеть мѣсто при наказуемости покушенія, *совершенное отпаденіе отвѣтственности*—а) при добровольномъ отказѣ отъ покушенія и дѣятельномъ раскаяніи, б) при неосторожныхъ преступленіяхъ, чапримѣръ, при убійствѣ, какъ слѣдствіи an sich und für sich невоспрещеннаго дѣйствія (1468 ст. улож.), в) при тѣхъ умысленныхъ преступленіяхъ, покушеніе на которыя, фактически хотя и мыслимо, но по закону ненаказуемо (нѣкоторые проступки, Vergehen, délits, въ вообще нарушенія, Uebertretungen, contraventions).¹⁾ Таковы преступленія двоеженства, прелюбодѣянія, обольщенія—по улож. о нак., умерщвленія плода самою беременной или съ ея согласія—по проекту уголовного уложенія (ст. 395—396).

Въ послѣдующемъ изложеніи мы разсмотримъ особо каждое изъ этихъ юридическихъ образованій, раскрывающихъ въ совокупности значеніе вреднаго послѣдствія въ уголовномъ правѣ.

номъ или безпомощномъ положеніи и, будучи въ немъ, совершила преступленіе, направленное противъ жизни плода или ребенка, или подвергшее такую жизнь опасности. § 239: тюрьмою до одного года наказывается женщина, умысленно лишившая себя необходимой помощи при разрѣшеніи отъ бремени незаконнымъ ребенкомъ, если послѣдній при родахъ или вскорѣ затѣмъ умеръ, и другой вѣроятной причины его смерти установить не было возможности. Также § 236, 384 и др. Однородныя постановленія можно найти въ любомъ европейскомъ кодексѣ.

¹⁾ Герм. ул. § 43, венгерское § 65, франц. art. 3, бельгійское art. 53, проектъ нашего угол. улож. ст. 41.

§ 10. Результатъ, какъ обстоятельство устанавливающее отвѣтственность. Опредѣленные дѣйствія, наказуемая только, если они имѣли опредѣленные послѣдствія.

Вредный результатъ обусловливаетъ возникновеніе уголовной отвѣтственности, когда описанное въ законѣ дѣйствіе само по себѣ не наказуемо, но становится наказуемымъ, если повлекло за собою означенный въ законѣ результатъ. Случаи эти столь-же рѣдки, какъ разнообразны по своей юридической структурѣ. Такъ, иногда ненаказуемое, описанное въ законѣ дѣйствіе является отмѣченнымъ съ внутренней стороны признаками умысла, направленнаго на вредный результатъ (1475 ст. улож., 392 проекта). Всего проще, казалось-бы, было конструировать эту форму деликта, какъ умышленное оконченное преступленіе, покушеніе на которое ненаказуемо. Рѣшенію вопроса въ этомъ смыслѣ препятствуетъ, однако, своеобразная юридическая природа результата (самоубійство), исключаящая приложеніе понятій какъ покушенія (со стороны третьихъ лицъ), такъ и соучастія. Единственнымъ исходомъ, которымъ и воспользовался законодатель, было прибѣгнуть здѣсь къ образованію описанной выше специальной формы деликта (*sui generis*). Въ другихъ случаяхъ, описанное въ законѣ, само по себѣ ненаказуемое дѣйствіе исключаетъ умыселъ (напр. 1465 ст. улож.), предполагаетъ, по отношенію къ результату, неосторожность или *casus*. Въ случаяхъ третьяго рода, на сторонѣ виновнаго можно предполагать одинаково и умыселъ, и неосторожность, и *casus*. Примѣромъ могутъ служить статьи улож. о нак. 1476 и 1512. Значеніе послѣднихъ двухъ комбинацій удобнѣе, однако, разсмотрѣть совмѣстно съ тѣми деликтными формами, гдѣ результатъ (хотя-бы и случайный) является условіемъ не возникновенія, а отягченія уголовной отвѣтственности, такъ какъ различіе обѣихъ группъ деликтовъ—меньшая наказуемость или полная ненаказуемость описаннаго въ законѣ дѣйствія—не представляетъ особаго политическаго интереса, находя объясненіе въ весьма прозрачныхъ соображеніяхъ большой или меньшей экономіи расхода наказаній.

§ 11. Результатъ, какъ обстоятельство квалифицирующее отвѣтственность. Опредѣленные дѣйствія, наказуемая строже, если они имѣли опредѣленные послѣдствія.

Слѣдующіе признаки характеризуютъ деликты, сюда относящіеся: опредѣленное, въ законѣ описанное дѣйствіе наказуемо уже и само по себѣ, помимо результата. Но оно наказуется строже, если вредный результатъ послѣдовалъ.

А. Такую роль—обстоятельства, квалифицирующаго отвѣтственность,—играетъ результатъ, во первыхъ, при преступленіяхъ общеопасныхъ. Для нихъ характеристиченъ признакъ *средствъ*, употребленныхъ субъектомъ,—его обращенія къ стихійнымъ силамъ природы, освобожденія ихъ отъ оковъ, наложенныхъ рукою человѣка, предоставленія имъ такой безконтрольной свободы дѣйствія, когда не одно, а много лицъ, или многія правовыя блага, ускользающія отъ предварительнаго учета, подвергаются опасности гибели или упадка. Таковы могутъ быть силы огня, воды, взрывчатыхъ веществъ, парового двигателя, болѣзнетворныхъ началъ и пр. По аналогіи, сюда-же слѣдуетъ причислить посягательства на общественныя и частныя сооруженія, если они (посягательства) ведутъ къ проявленію и развитію тѣхъ-же стихійныхъ силъ, вообще, къ исключаяющему предварительное исчисленіе вреду для многихъ лицъ. Для удобства обзорѣнія, принадлежащія сюда преступныя дѣянія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ группамъ:

1) *Поджогъ*, умысленный или неосторожный, если онъ кому либо причинилъ смерть: герм. ул. § 307 п. 1 и 309, венг. 424 п. 1 и 425, голл. 157³, код. рѣп. 434, итал. 327 (также тѣл. повр.), финл. ул. гл. 21 § 6.

2) *Потопленіе*, какъ то: нарушеніе предписанныхъ закономъ правилъ осторожности, причинившее потопленіе, ул. о нак. 1620; поврежденіе плотинъ, если оно повело къ наводненію или иному несчастію, итал. ул. 303²; смерть, какъ послѣдствіе умысленнаго или неосторожнаго причиненія наводненія,—герм. ул. 312 и 314, венг. 432, итал. 327, финл. гл. 21 § 6, умысленнаго или неосторожнаго поврежденія маяка,—голл.

166³ и 167², итал. 327, улож. о нак. 307, умышленнаго или неосторожнаго поврежденія судна,—венг. 435 и 437, умышленнаго или неосторожнаго потопленія судна,—герм. 323 и 326, венг. 444 и 445, голл. 168² и 169², итал. 327 и 311², финл. гл. 21 § 6; крушеніе судна, какъ послѣдствіе умышленной или неосторожной порчи маяка,—герм. ул. 322² и 326, голл. 166² и 167², итал. 306², проектъ угол. улож. 468,—воспрещеннаго закономъ разведенія огня на околосаячномъ береговомъ пространствѣ,—проектъ угол. ул. 223, умышленнаго или по неосторожности неисполненія служащими законныхъ правилъ, установленныхъ для безопасности судоходства, или подачи невѣрнаго знака,—проектъ угол. ул. 469 и 478, нарушенія корабельно-строительныхъ правилъ,—проектъ угол. улож. 470, нарушившаго безопасность плаванія умышленнаго или неосторожнаго поврежденія парохода или морского судна,—проектъ угол. ул. 468 и 477. Сюда же принадлежитъ пренебреженіе корабельнаго служителя обязанности отлива воды, когда вслѣдствіе сего упущенія корабль или грузъ потерпитъ какой либо вредъ,—улож. о нак. 1259².

3) *Нарушеніе безопасности желѣзнодорожнаго сообщенія*, какъ-то: умышленное или неосторожное поврежденіе (или загроможденіе) желѣзной дороги, если оно повело къ какому либо несчастію,—итал. ул. § 312², тѣлесному поврежденію,—герм. ул. § 315², венг. 435 и 437, улож. о нак. 1080¹, смерти,—герм. ул. § 315² и 316, венг. 435 и 437, голл. 164² и 165², улож. о нак. 1080¹, крушенію поѣзда—проектъ уг. ул. 468 и 477; неправильныя дѣйствія по эксплуатаціи желѣзной дороги въ случаѣ причиненія тѣмъ кому либо смерти или поврежденія въ здоровьѣ,—улож. о нак. 1085; умышленныя или неосторожныя неправильныя дѣйствія по постройкѣ и эксплуатаціи желѣзной дороги въ случаѣ произошедшаго оттого крушенія желѣзнодорожнаго поѣзда,—проектъ угол. улож. 469.

4) *Умышленное поврежденіе телеграфа* съ тѣми-же послѣдствіями для жизни и здоровья,—итал. ул. 327, ул. о нак. ст. 1142.

5) *Умышленное или неосторожное поврежденіе водяныхъ или рудничныхъ сооружений* съ тѣми же послѣдствіями для жизни и здоровья,—герм. ул. § 321² и 326.